

СТИХИЯ СМЕХА, СТИХИЯ ЛИРИЗМА

Я – Красота, недвижна и горда я.

Слеза и смех, - я выше их всегда.

Ш.Бодлер. «Красота»

Книга известного русского писателя Леонарда Золотарева «Чистые пруды» (издательство «Вешние воды, г.Орел, 1997г.) – это лирические и юмористические рассказы. Сочетание настолько редкостное, непривычное, что трудно припомнить тому аналоги. Таланты, соответственно и книги, бывают или лирические – возвышенные, духовного плана или же юмористического, бытового, более сниженного. И тут только Чехов припомнится, где смех соседствует с лирической грустью. Да этот эпиграф, взятый из «Цветов зла» Бодлера и предпосланный автором к «Чистым прудам», наводит на размышления.

Слеза и смех – трагедия и комедия жизни, основное ее содержание, первоэлементы лобого раскованного, естественного человека (заметим, как плач ребенка переходит мгновенно в смех) – и над всем тем венчающая все Красота. Поиск прекрасного в сочетании с нравственностью – вот какой «ключ», улавливая, расшифровываем мы в замысле автора.

От книги к книге у Леонарда Золотарева вырабатывались его эстетические принципы, формировалась художественная система. «Эстетический идеал... своими корнями уходит в те или другие тенденции развития общественной жизни, именно поэтому он становится могущественной силой нравственного», - пишет известный ученый Курляндская Г.Б. Извечное стремление писателей изменить жизнь к лучшему присуще и автору «Чистых прудов». И осуществляется это им объемно, многопланово – через юмор и лирику, через радость и печаль как разнообразные качества внутренней жизни. Поэзия нравственности и красоты в лирике малой прозы углубляет, одухотворяет пространство рассказа. А юмор – от иронии до искреннего, настоящего смеха – раскрепощает, делает более свободным, обширным это небольшое пространство. Само название книги «Чистые пруды», объединяя две стихии – Воды и Неба, отраженного в созерцательном спокойствии прудовой поверхности, отсылает нас к булгаковским Патриаршим прудам с их мистикой, мятущимися героями, среди которых булгаковская Маргарита естест-

венно переходит в Маргариту нашего времени – Маргариту Леонарда Золотарева. Тень незримого Мастера подводит и нынешнюю Маргариту ко все той же идее счастья и долга, решаемой в пользу общественного, что и подводит к краху личного, человеческого.

Движением души было в той жизни вырваться из глухоты, серости, прозябания. Еще Иисус понимал, что надо спасти человека во всей этой древнеримской надстройке, что мерило всего – человек. Но куда идти, к чему припадать? И было одно лишь внешнее движение: из деревни – в райцентр, из райцентра – область, из области – в столицу. В Москву, в Москву – как в «Трех сестрах» у Чехова. Из провинции, глухоты бытия. Сколько же людей обивало пороги «брачных контор» в печально известном Банном переулке в Москве. И это чисто внешнее движение порождало глубоко внутренние трагедии. Чистые пруды – это чистые души тех, что бьются в тенетах, как перепела.

Рассказ полон сочувствия всему живому в стоячей прудовой воде, куда попадают, стремясь к чему-то, герои. И мы видим, мы просто не можем не видеть, как автор любит своих героев – людей из провинции. С изломанными, несостоявшимися судьбами, целые потерянные поколения – это «лимита», многие из которых печально завершили в столице свой жизненный путь, как и она, пройдя целый каскад своих прудов – от орловской Голуни до подмосковного Степановского, известного по знаменитому «Раковому корпусу» Солженицына. А теперь еще наметилась тенденция возвращения «москвичей» в родные пенаты, обескровясь там и доживая до смерти здесь.

Стилистический рассказ представлен в мягких, пастельных тонах. Ни резкого штриха, ни прямого упрека. Это лирика чистой воды, она и сглаживает резкость контрастов. При чтении возникает нечто деликатное, теплое, глубоко затаенное. Рассказы так светоносны, энергетичны, порой нас охватывает, не отпуская, редкая, свободная, берущая за живое стихия любви.

И души героев Леонарда Золотарева, уподобленные полотнам Клода Моне, бывают импрессионистичны, изменчивы, в зависимости от освещения. Будто в прудах, происходит игра света, внутренний мир дается в различных состояниях. Герои всегда во внимании автора, всегда симпатичны ему, любимы им. И вера в них дает возможность увидеть личность, и это познание помогает понять, в чем же наша человеческая сила, что выше всего, даже смерти. Недаром главный герой

рассказа «Если бы я был Богом...» так жаждет подарить людям бессмертие. В его представлении человек живет незаслуженно мало, и жизнь все короче, хотя за свои страдания и любовь он достоин иной участи.

И мы разделяем судьбу героев Леонарда Золотарева в его лирике малой прозы, один из подразделов которой – лирический – «Ночные фиалки», где герои живут, радуясь и страдая. Собственной судьбой мы входим в их мир, несем их нелегкое бремя. По-моему, автор сумел найти концовку рассказа «Чистые пруды», тот нравственный аккорд, который делает этот рассказ еще более притягательным. «Что-то вспыхнуло и озарило Ее. И Она поняла, на что же была потрачена жизнь! И Она оставляет на парапете книги, питавшие когда-то Ее, учительницу литературы, все эти годы...»

В крошечном рассказе «Счастливая», устраивая свою судьбу, мать отправляет свою малолетнюю дочь в деревню к бабушке. И мы думаем: не было бы того Прометеева огня, который озаряет героев то печальным светом закатного неба, то его грустным отсветом в тех же чистых прудах, не будь самой любви автора к людям, которая переходит от рассказа к рассказу, так все здесь возвышенно, лаконично, бесконечно печально и в то же время не безысходно. Истинно бодлеровская интонация «темных аллей» из «Цветов Зла» переходит к Бунину, а бунинская, от его «Темных аллей» уже к «Чистым прудам». Такова преемственность, общее видение тех же реалий, близость к природе самого человека, настроенность на одно человеческое звучание.

В рассказе «Красавица» Бунина умерла у мальчика мать, и мачеха, поселившаяся в доме, стелет ему жалкую постельку у порога. У Леонарда Золотарева в рассказе «Девочка с белым бантом», у которой тоже умирает мать, квартира уже продана, утром девочку отвезут в приют. А пока новая хозяйка выбрасывает девочку на ночь к порогу. То же солнце над всеми, те же деревья вокруг, та же в нас русская речь, а что-то ведь произошло. Вот она – эволюция художественного образа, самой жизни, от Бунина в нам сюда ее трагический смысл.

Рассказы из другого раздела «Веселой слободы», где смех со всеми его проявлениями – от иронии до едкого сарказма, выделяют ту самую атрибутику нашей жизни, которая мешает жить, радоваться, дышать. Все эти нелепицы и несуразицы, недостатки заставляют нас задуматься, а порой и загрустить, искренне огорчиться, они же побуждают включиться в борьбу со всякими «некрасивостя-

ми», за красоту жизни. Через смех персонаж подвергается испытанию. И выясняется, каков он человек, каковы его возможности, как умеет он ориентироваться в мире перепутанных ценностей (рассказы «Бартерные девки», «Муж как разменная монета», «Здесь сидел Хрущев» и др.).

В рассказе «Здесь сидел Хрущев» комизм положения создается за счет самой психологической ситуации. Берется герой, вводится в ситуацию, и смотрим мы, что же происходит с героем? Эффект состоит в несоответствии внутреннего с внешним, желаемого с воображаемым, героя – с самой действительностью. Потребности у героя явно завышены, чрезмерны, амбиции превышают возможности.

В рассказе «Пирамида Хеопса» герой вlepил свой автомобиль в столб. В результате – и долг плати, и автоинспекция недовольна. А виноват, оказывается, завод, выпустивший не тот цвет автомобиля, черт бы их побрал! Подобного рода разочарования испытывает и персонаж рассказа «Волосы Чарли Чаплина» – аспирант, стригущий своего научного руководителя – доцента. В конфликте, так сказать, не притянута за волосы, «маэстро» рвет прическу с головы уважаемого «патрона», но квалификация доморощенного «парикмахера» сомнению не подвергается.

Естественность – оно из основных качеств комических рассказов. Комизм подобного рода существует и в рассказе «Чем запивают съеденный автомобиль?» Однако это не просто комизм, где смех ради смеха. Безусловно, просматривается и сверхзадача, венчающая рассказ, такой концовкой. Даже дяде Сене, большому спецу по части дегустации спиртных напитков, и тому глаза колят примером одного джентльмена из Австралии, который съел на закуску по частям автомобиль. А тебе, мол, русскому, до него далеко. Гротеск. Игра, парадокс, вроде бы преклонение перед иностранным, а в результате – смешно...

Нужно сказать юмористические рассказы Леонарда Золотарева психологичны, смешны порой по-настоящему. Смех, заложенный в самой ситуации, как бы взрывает героя изнутри, острота положения позволяет вскрыть всю подноготную. В таком случае мир, создаваемый автором, утверждается как неофициальная правда. Смех упраздняет иерархию, отменяет всякие нормы, запреты. Нас же все это обновляет, мы находимся как в процессе саморазвития, самоусовершенствования, устремляясь в будущее.

Так, юмор у писателя и сам бесстрашен, и учит бесстрашию. И достигается

он как за счет внешнего комизма, так и через проверку человека на соответствие. Мы выявляем мечты, надежды, выясняем правоту и находим причину комического, что смешит нас, не соответствуя нашему менталитету. При этом гротеск делает всякую иерархическую дистанцию минимальной, а всякое слово – условным. Именно в процессе замены старого новым и намечается становление личности. А сам гротеск приобретает огромные размеры, делается сродни площадному, раблезианскому смеху. Уходя от камерности, смех превращается во всенародный (рассказы «Шуточка Селиверстыча», «Здесь сидел Хрущев», «Семь уходов Сталина» и др.).

В первом из этих рассказов ирония у автора самодостаточна, как бы питается сама собой, побуждая к нравственному очищению. Насыщаясь, она, в конце концов, превращается в смех, доходящий до гротеска. Вот и в этом рассказе участковый Селиверстыч, по приглашению, является на «печеночку». Рука его, привыкшая к реквизициям, мигом определяет в карман бутылочку, ожидавшую в коридоре своего часу. «Перевел взгляд Селиверстыч на Фому – хозяина дома, а на том все яснее ясного написано: как же я, дурак набитый, так оплошал? Куда же я ее, стерву, такую, задевал?» И в финале рассказа на полном серьезе звучит «государственный», прямо-таки «печатный» шаг участкового.

А вот в рассказе «Мерцательная аритмия» с самого начала выясняется, какая у персонажа аритмия – «мерцательная» или «физиологическая»? Смеешься, проникая в тонкий, неназойливый смысл, и снимается натянутость. Юмор изобличает фальшь и догматизм, делает нас естественными, раскрепощенными в своем смехе, в том числе и над самими собой.

Мы и смеемся над изворотами жизни, сочувствуем героям в ее тенетах. И первая из стихий – земная, искренняя стихия смеха – тянет нас ко всему живому, плотному, осязаемому – к радости, веселью в самой жизни. А вот вторая стихия этого сборника рассказов – высокая, чистая, влажная стихия звезд – зовет к Красоте, уводит в Небо, делая комедию жизни божественной. А вместе обе эти стихии и создают тот звук, тот счастливый аккорд, необходимый контраст, тот самый трепет, полет, который и совершает мастер за тайной прочитанных нами строк. И верится, судьба этих рассказов будет удачлива. Как и тот непреложный факт, что именно тут у нас, между двумя другими стихиями – степи и леса, а не в монокультуре леса, не в монокультуре степи, и родилась, выпестовалась наша прекрасная

классическая литература.

От книги к книге идет признание читателем рассказов Леонарда Золотарева. В Москве, Туле, Орле выходили «Берестяные песни», «Мед из подснежников», «Костровый пояс», «Перепелиное поле», «Шептун-трава» и др. И это дало право включить его имя в число лучших рассказчиков России в 80-е годы. Во что написано об этом в академическом учебнике для филфаков университетов и педвузов (под редакцией профессора П.С.Выходцева): «Среди жанров прозы, в которых современность и современник исследуются, прежде всего, с точки зрения нравственных отношений, пожалуй, наиболее активную роль играет рассказ. К нему обращаются почти все писатели. В рассказе обнаружилось типологические углубления нравственно-философского аспекта исследования человеческих характеров. Особенно плодотворно работают в этом жанре С.Антонов, Ю.Нагибин, Е.Носов, Вл. Солоухин, Ю.Казаков, В. Лихоносов, Л.Золотарев и др.» («История русской литературы»).